

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

А.Ю. Стрижов

БАЛАНС ЦЕННОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Культура выполняет в общественном развитии функцию кристаллизации экономических изменений. Во время социальных революций классовый антагонизм достигает непереходного предела, и как следствие – культура и ценности общества не всегда находятся в единой системе координат, между классами растёт непонимание. Соответственно, то, что ранее сплачивало людей разных социальных групп, в период революции перестаёт существовать. Дисбаланс ценностей выражается на трёх уровнях – структурном, культурно-историческом и индивидуальном, что соответствует марксистской триаде «общее-особенное-единичное». Эта дисгармония является предметом нашего исследования. За основу взят формационный подход к исследованию общественного развития. Классический марксизм скорректирован на основании признания более активной роли культурной «надстройки» в историческом процессе.

Основным методом выступила историческая компаративистика. Автор статьи различает три группы ценностей. В балансе между ними кристаллизуется взаимодействие формально-исторической и конкретно-исторической логик общественного развития. Поправки в ход истории вносит не просто конкретная культура, но также – историческая память народа, общие символы и мифы, которые выражают общую систему ценностных ориентиров общества. Система ценностей легитимирует (либо отвергает) ту или иную форму социального переустройства, что делает её одним из факторов общественного развития – в одних странах крестьянская война не перерастает в революцию (Германия XVI в.), в других – начинается революция и допускается даже казнь короля (Англия XVII в.).

Ключевые слова: конкретно-историческая логика, общественно-экономическая формация, общественное развитие, социальная революция, культурно-исторические ценности, структурные ценности, индивидуальные ценности, формально-исторический закон, буржуазная революция, баланс ценностей.

Review. In the process of social development culture performs the function of 'crystallisation' of economic changes. At the time of social revolutions antagonism between different classes reaches the point when it can't be overcome and, as a result, culture and social values happen to be in different coordinate systems which leads to more misunderstanding between classes. Consequently, values that used to unite people of different social groups stop existing in the period of revolutions. The broken balance of values is expressed at the three levels, structural, cultural-historical and individual ones, which agrees to Marx' triad 'general-particular-singular'. The aforesaid disharmony is the subject of the present research. The research is based on the concept of socio-economic formations that is used to study social development. Classical Marxism is enriched with the author admitting a more active role of the cultural 'superstructure' in the historical process. The main method of the research is the historical comparative analysis. The author of the article describes the three groups of values. According to the author, the balance between these groups of values 'crystallise' the interaction between the formal historical and specific historical logics of social development. Not only a specific culture changes the course of history but so does the historical memory of a nation, general symbols and myths that express the entire system of values of a community. The system of values legitimate (or reject) this or that form of social restructuring which makes it to be one of the drivers of social development. In some countries Peasants' War never turns into revolution (like in Germany of the XVIth century) and in other countries it does lead to a revolution or even an execution of a king (England of the XVIIth century).

Keywords: specific historical logic, socioeconomic formation, social development, social revolution, cultural and historical values, structural values, individual values, formal historical rule, bourgeois revolution, balance of values.

Любое действие, произведённое человеком в социальной среде, имеет свою внутрисистемную функциональную ценность. Его мотивы могут быть либо понятны, либо не понятны обществу; могут быть либо приняты другими людьми, либо не приняты. Это означает, что действие, которое каким-либо образом соотносится с действиями других членов (со времён М. Вебера оно называется социальным действием), всегда имеет определённую ценность. Действие не может быть одинаково оценено всем обществом, поскольку человек мотивируется собственными психологическими, социальными и культурными потребностями. Когда поведение члена общества становится непонятным окружающим, происходит отчуждение индивида; когда возникает непонимание характера действий целого социального слоя, возникает классовый антагонизм. Как показывает история, последний проявляется как в пассивной, так и в активной (революционной) формах – подобно вулкану, он может быть потухшим и действующим. Мораль носит классовый характер [16, с. 95-96], а стало быть, плюрализм ценностных ориентиров общества не всегда приводит к волнениям. Порой разница в ценностях даже снижает распространение девиантного поведения в коллективе: «Самой по себе бедности и сопутствующего ей ограничения возможностей ещё недостаточно, чтобы вызвать явно высокую интенсивность преступного поведения. Даже пресловутая «нищета посреди изобилия» не обязательно приведёт к этому результату. Но когда бедность и связанные с ней невыгодные условия соперничества за культурные ценности, одобренные всеми членами общества, соединяются с акцентированием культурой денежного успеха (автор приводит в пример нацеленность членов американского общества на денежный успех – *примечание А.С.*) как наивысшей цели, нормальным следствием этого становится высокая интенсивность преступного поведения» [9, с. 264]. Это означает, что рост преступности вызывает ситуация, в которой люди разного финансового достатка и социального положения разделяют схожие культурные ценности – между разными социальными классами противоречие протекает лишь в неявном виде. При активной конкурентной борьбе за одни и те же цели преступник готов порой поступиться средствами и культурными ценностями. Однако рост преступности – ещё не показатель того, что беспорядки обязательно перерастут в социальную

революцию (так, например, крестьянская война в Германии XVI в. не переросла в революцию). При единстве персональных целей у членов общества в один момент должно произойти социальное расслоение – будут те, кто могут достичь этой цели и те, кто, видимо, прибегнут к альтернативной цели, к сублимации. Таким образом, преступность – это ещё не бунт против существующей системы. Социальная революция осуществляется тогда, когда возникает классовое самосознание через общность потребностей, ценностей, интересов. Т.е. тогда, когда нарушается прежний баланс ценностей в обществе у разных социальных классов – когда потребности, ценности и интересы разных социальных слоёв начинают противоречить друг другу. Они перестают представлять из себя единую иерархичную систему ценностей.

Следует рассмотреть три уровня ценностей, которые зарождаются в обществе: структурные, культурно-исторические и индивидуальные. Их негармоничное сочетание ведёт к тому, что взгляды одной социальной группы не принимаются другой – ценности не уживаются в одной системе координат. Так, в преддверии английской буржуазной революции пуританская идеология о «мирском призвании» каждого верующего вела к тому, что англиканская церковь теряла божественную санкцию [1, с. 95]. Таким образом, пуританская проповедь «лишала ореола святости и особу самого короля, чье высокое положение само по себе значило перед престолом господ не больше, чем положение королевского подданного» [1, с. 98]. Это лишало ценности образ английской королевской власти. Те же, кто поддерживал власть короля и чье благосостояние держалось на её признании, – не могли принять новые ценности. Другими словами, противоречие социально-экономическое вылилось в раздвоение существовавшей единой системы ценностей. В результате, случилась социальная революция.

Экономические противоречия кристаллизуются в идеологических формах, где люди осознают конфликт и борются за его разрешение [8, с. 7], но этот процесс происходит не стихийно. Так, например, А. Грамши писал, что партии для достижения победы необходимы талантливые люди, которые осуществляют идеологическую работу и выступают связующим элементом, он отделяет эту группу от «обычных, средних» людей [3, с. 140]. Они придают новым революционным ценностям ореол «естественности», «истинности». Приведём ещё

один пример из истории Европы: в революционной Франции XVIII в. обе противоборствующие силы (Корона и Парламент) обращались не просто к потребностям населения, но к определённым легитимирующим эти потребности мифам – обе нуждались в соответствующем историческом прецеденте [17, р. 74]. Если средневековый генеалогический миф поддерживал Корону и иерархию, то «римский» идеологический поддерживал идею республиканской добродетели, которую необходимо восстановить [17, р. 75-76].

Таким образом, в процессе усложнения общества (например, с ростом образованности различных слоёв населения) «надстройка» оказывает всё более неоднозначное влияние (взять для примера современную концепцию «мягкой силы» Дж. Ная). Это поднимает необходимость более подробного рассмотрения тех балансов ценностей обществ, которые поддерживают жизнеспособность социального организма.

При произведении социального действия, как мы сказали выше, побуждающим фактором оказывается система личных ценностей человека, которые включают в себя следующие уровни: структурный, культурно-исторический, индивидуальный. Их единство соответствует триаде *общего, особенного и единичного* в жизни общества: «конкретное общество как диалектическое единство общих признаков, присущих «обществу вообще», особенных признаков, присущих данному типу, классу обществ (например, выражаемых понятием «общественная формация»), и специфических признаков, присущих только данному обществу» [10, с. 47]. В системе ценностей общее выражается на структурном уровне: все общества развиваются в плоскости одной формально-исторической логики. Особенное – на культурно-историческом уровне, т.е. на уровне исторической памяти народа, некоторых его традиций. Единичное – на индивидуальном уровне, т.е. на специфике характера отдельного человека (на его личных психологических травмах и т.п., сформировавших уникальное отношение к миру).

Для каждого общества такие сочетания индивидуальных, культурно-исторических и структурных ценностей не повторимы. Специфические для данной конкретной общественной формы набор и иерархия ценностей создают основу для соответствующей системы нормативного контроля [15, с. 733]. На индивидуальном уровне они развёртываются в целенаправленных действиях людей;

на структурном – в общественных институтах; на культурно-историческом – в особенностях социальных связей между общественными институтами и людьми. В условиях социальной революции все эти уровни лишены необходимого баланса, т.е. не способны обеспечить нормативный контроль в социальном организме. Так, рассматривая любую социальную революцию, исследователь всегда может найти информацию о мародерстве. Это свидетельствует о «биологизации» поведения масс во время революции [14, с. 55]. Т.е. структурные, культурно-исторические и индивидуальные ценности человека затмеваются физиологическими потребностями, прикрываемыми теми или иными высокими словами. Однако это не отрицает, что те или иные ценности (даже по-настоящему высокие) могут проявляться в отдельных случаях. Мы говорим лишь о том, что они не всегда вписаны в систему ценностных координат всего общества. Для того чтобы подробнее рассмотреть ситуацию дисбаланса трёх групп ценностей следует сначала охарактеризовать их:

1) Индивидуальные ценности – это ценности отдельного человека, опосредованные его безусловными рефлексам. Мы осознанно их назвали индивидуальными, а не личными, поскольку «личность» – более сложное понятие: личность – это «устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности» [15, с. 313]. Другими словами, «индивидуальное» вмещается в понятие «личное», как и две другие группы ценностей, а не заменяет его.

2) Структурные ценности – это ценности человека, как элемента социальной системы, жителя «своего времени», определённого экономического уклада. Ими человек руководствуется для воспроизводства своей необходимости в общественном организме, среди других его членов. Человек может и не задаваться вопросом о причинах того или иного предписания, но он ценит правило, поскольку оно позволяет ему реализовать себя в этой структуре. Структурные ценности мотивируют человека на поддержку существования окружающего его общества. Для стабильности работы социального организма не представляет большой опасности отдельный человек, ставший преступником. Опасность возникает тогда, когда проблема начинает принимать системный характер. Т.е. нарушается сам принцип функционирования общества, система становится менее эффективной. Назрева-

ет деструктивная тенденции и возникают особенные подсистемы [11, с. 102].

3) Культурно-исторические ценности – это традиционные ценности конкретного общества. Они настраивают взаимопонимание между членами общества. Вместе со структурными ценностями они определяют конкретные статусы и роли отдельных личностей. Если структура объясняет человеку практичность того или иного статуса-роли (т.е. настраивает человека на успех), то культура объясняет нормы и традиции поведения в данном статусе-роли (настраивает людей на определённую традицией поведение в той или иной ситуации). Она ускоряет интеграцию общества на основе культурно-исторического родства. Однако современные общества (согласно идеям Т. Парсонса, они зарождаются в XVII в. [12, с. 72]) очень активно взаимодействуют между собой, и рассматривать ценности одного общества без их взаимосвязи с ценностями других обществ уже невозможно, возникает необходимость говорить об «институционализации единой для всех современных обществ системы ценностей» [12, с. 161]. Поэтому в условиях глобализации некоторые культурно-исторические ценности развиваются до общемирового уровня. Скажем пару слов и о них.

Общемировые ценности – это ценности, разделяемые большей частью людей и стран в мире. Т.е. речь идёт о более масштабном развитии культурно-исторических ценностей, связанное с процессами глобализации (например, появление трансокеанских империй). Они фиксируются в международном праве, международных культурных традициях и так далее. Общемировые ценности отвечают за стабильность системы современных обществ. Те культурно-исторические ценности, которые в результате революции перестают отвечать общемировым представлениям и ценностям, могут создать стране негативный образ. Это вызывает настороженное отношение в мире, так как появляется общество, чья политика ещё не подчинена общей системе ценностных координат. Такая ситуация часто в истории легитимировала интервенцию. Так, в ходе Гражданской войны 1918-1922 гг. в России, иностранные войска поддерживали «белых». Введение в страну войск допускалось, поскольку новое правительство ещё не было признано международным сообществом. Стало быть, новая политическая власть могла изображаться в качестве потенциального противника современной системе международных отношений.

Мы вкратце охарактеризовали три группы ценностей, которые при некотором гармоничном сочетании образуют единую для всего общества систему ценностных ориентиров. В различных конкретно-исторических условиях эти системы выглядят по-разному – как следствие, баланс ценностей всегда различен и от его особенностей может отчасти зависеть развитие общества. Например, первая буржуазная революция свершилась в Нидерландах, однако «очагом промышленного капитализма» стала другая страна – Англия, позаимствовавшая у предшественницы техническое достижение (мануфактуру) без сопутствующей её появлению «надстройки». Конкретно-историческая «надстройка» и соответствующие ей ценности сыграли здесь немаловажную роль – в первом случае она сдержала появление принципиально нового отношения к производству, а во втором – допустила перенимание иностранного опыта. Вот что пишет об этих двух странах в XVII в. политолог Н.А. Симония: «И если мы возьмём проблему вновь в более широком международном плане, то не случайно, очевидно, что не от Нидерландов (где мануфактура достигла своего наивысшего расцвета), а от Англии ведём мы отсчёт действительной капиталистической эры. В то время как консервативные тенденции, возникшие и укрепившиеся на базе мануфактурного производства в Нидерландах, предотвратили непосредственное превращение последнего в собственно промышленный капитализм и обусловили подчинение мануфактуры торгово-ростовщическому капитализму, Англия, позаимствовавшая лишь экономическую структуру мануфактурного производства, была более свободна от консервирующих факторов, которые могли бы воспрепятствовать превращению её в первый очаг промышленного капитализма» [13, с. 153]. Одним из факторов такого исхода, на наш взгляд, и выступила консервирующая «надстройка» (по крайней мере то, что она отразила) – Нидерланды остались торговой страной.

Без наличия в обществе социально-экономической цельности, выраженной в единстве системы ценностей, социальная революция едва ли возможна – речь, скорее всего, пойдет только о череде восстаний. Если вспомнить причины неуспеха буржуазной революции в Германии XVI в., то важно отметить раздробленность страны: «Ход событий показал, что, несмотря на объективную заинтересованность передовых элементов бюргерства (уже в какой-то мере обуржуазившихся) в победе

над феодализмом, в целом оно оказалось неспособным возвыситься над местной ограниченностью и освободиться от опутывавших его связей с миром феодальных отношений для того, чтобы выступить руководителем всех антифеодальных сил» [5, с. 87]. В результате Крестьянской войны раздробленность только закрепилась – образовались блоки католиков и протестантов, уравненных в правах по Аугсбургскому религиозному миру 1555 г. [5, с. 90]. Это означает, что соответствующие структурные (капиталистические) ценности ещё не появились в Германии XVI в. Структурных ценностей в раздробленном государстве ещё не было.

Не заражена была общей идеологией и часть крестьян во время английской буржуазной революции: «нейтралистское» движение в юго-западных графствах в 1644-1645 гг. (движение клабменов) организовывали вооруженные отряды для защиты: как от роялистов, так и от парламентариев [1, с. 135]. Однако большая часть населения имела определённую позицию, что привело не только к успешному достижению изначальных целей парламентариев, но и казни короля, и установлению республики (хотя и на время). Таким образом, социальная революция происходит тогда, когда ценностные ориентиры социального класса становятся значительно конкретизированными. В такой ситуации класс эксплуатируемых сплывается против класса эксплуататоров. В результате, по способу индивидуального приспособления к культуре часть общества приближается к тому, что Р. Мертон назвал мятежом: «Этот тип приспособления выводит людей за пределы окружающей их социальной структуры и побуждает их представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную социальную структуру. Это предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов» [9, с. 275]. Важным условием революции, таким образом, оказывается не акцент на протест против имеющейся социальной данности, а наличие альтернативного социального устройства, что не всегда говорит о том, что «кто был ничем, тот станет всем». Речь идёт о новой форме взаимозависимости между классами, о новой социальной иерархии. Когда происходит не восстание, а социальная революция – закладываются основы новой структуры общества (вырабатываются статусы и роли людей, система мотиваций и т.д.), при которых классовые противоречия вновь вернутся к менее активному состоянию. Так, если продолжать рассматривать в

качестве примера английскую революцию первой половины XVII в., мы должны отметить, что духом буржуазного будущего было заражено не только «новое» обуржуазившееся дворянство, но и крестьянство: вместе они выступили против политической прерогативы церкви и короны.

Однако начинается социальная революция с дезинтеграции существующей системы. У каждой подсистемы (подпольной организации, революционного союза, социального класса) оформляются собственные идеологии. Люди перестают находиться в единой системе ценностных координат. Общество этой поры можно охарактеризовать как аномическое, т.е. «болезненное», потерянное в культурных и социальных ориентирах. Люди в нём руководствуются по большей части субсистемными структурными и индивидуальными ценностями. Уверенность в том, что подсистема (допустим, коммуна или политическая партия) в будущем дарует своим членам стабильность удовлетворения социальных и биологических потребностей, – не велика, так как для этого ей необходимо вырасти в полноценную систему, зафиксировать себя среди других обществ. Поэтому большая часть людей в период социальных революций руководствуется индивидуальными ценностями. Культурно-исторические ценности общества не имеют единства. В аномическом состоянии люди становятся «духовно стерильными, ответственными только перед собой» [9, с. 283] – цитирует Мертон характеристику аномии данную Р. МакИвером.

Постепенно оформляются наиболее популярные идеологии. Появляются прообразы общих культурно-исторических ценностей. Так, яркий пример даёт страна из другой части света – Индия. Во второй половине XIX в. здесь появляется образ Матери Индии, любовь к которой переосмысливалась индийцами как религиозная, мистическая категория [4, с. 35]. Мать Индия оказывается одним из символов освобождения Индии от Британского владычества. Страна, которая большую часть своего существования не была единой, находит и создаёт некоторые культурные образы, которые легитимируют её единство и независимость. Ещё более показательный пример использования исторического прошлого в идеологических построениях колониальной Индии этого же периода – образ народа маратхи, который трансформируется от ассоциации с «ворами и грабителями» (во времена до владычества Англии) до «созидателей нации» [2, с. 83].

Интеллигенция, пропагандисты, СМИ, обобщают в различных мифах и символах новые культурно-исторические ценности, которые отражают социально-экономические потребности большей части населения. В результате обобщения интересов и ожиданий различных социальных классов возникает потребность в структурных ценностях (желание быть уверенным в завтрашнем дне). Конкретно-историческая логика общественного развития проявляется в это время в полной мере, поскольку порой происходит наиболее сильный отрыв от формально-исторических закономерностей. Яркий тому пример – социалистическая революция в России. Вот что писал В.И. Ленин об этом опыте: «В силу ряда обстоятельств, – между прочим, в связи с отсталостью России и с её необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, – нам пришлось взять на себя всю тяжесть – в чём мы видим великую честь – быть застрельщиками мировой борьбы против империализма» [6, с. 318]. Таким образом,

можно заключить следующее: «Если сравнить в этом отношении Россию и наиболее развитые западноевропейские капиталистические страны, то легко заметить, что материально-технических предпосылок социализма было больше на Западе, а классовые предпосылки социалистической революции оказались более зрелыми в России, где к тому же в большей мере созрел субъективный фактор» [7, с. 230].

Во время социальных революций пропорции в сочетании индивидуальных, структурных и культурно-исторических ценностей оказываются разными. Единство общего, особенного и единичного в историческом развитии, выкристаллизовывающиеся в трёх группах общественных ценностей, образует отдельный фактор социального прогресса, который следует учитывать при анализе форм взаимодействия формально-исторической и конкретно-исторической логик общественного развития. Ярче всего он проявляется в период социальной революции.

Список литературы:

1. Барг М.А., Великая английская революция в портретах её деятелей. М.: Мысль, 1991. 397 с.
2. Ванина Е.Ю. Разрушители империи, созидатели нации (Махараштра глазами Индии) // В Индию духа...: сб. ст., посв. 70-летию Р.Б. Рыбакова / Сост. И.В. Зайцев, Г.М. Кузнецова, Т.Л. Шаумян. М.: Вост. Лит., 2008. 542 с.
3. Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 567 с.
4. Индия: страна и её регионы / Под ред. Е.Ю. Ваниной. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 360 с.
5. История средних веков. В 2 т. Т. 2: Учеб. для вузов по спец. «История» / Под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М.: Высш. шк., 1991. 400 с.
6. Ленин В.И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. 623 с.
7. Федосеев П.Н., Александров С.В., Бутенко А.П. и др. Ленинская теория социалистической революции и современность. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1980. 528 с.
8. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е второе. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 771 с.
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
10. Мишин В., Общественный прогресс. Горький: Волго-вятское книжное издательство, 1970. 296 с.
11. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
12. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
13. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975. 152 с.
14. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Изд. дом «Территория будущего», РОССПЭН, 2005. 704 с.
15. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / Редкол: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с. (Словарные статьи: Личность, ценность.)
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е второе. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 828 с.
17. Smith A. Myths and memories of the nation. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.

References (transliteration):

1. Barg M.A. Velikaya angliiskaya revolyutsiya v portretakh ee deyatelei. M.: Mysl', 1991. 397 s.
2. Vanina E.Yu. Razrushiteli imperii, sozidateli natsii (Makharashtra glazami Indii) // V Indiyu dukha...: sb. st., posv. 70-letiyu R.B. Rybakova / Sost. I.V. Zaitsev, G.M. Kuznetsova, T.L. Shaumyan. M.: Vost. Lit., 2008. 542 s.

3. Gramshi A. Izbrannye proizvedeniya v 3 t. T. 3. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1959. 567 s.
4. Indiya: strana i ee regiony / Pod red. E.Yu. Vaninoi. M.: Editorial URSS, 2000. 360 s.
5. Istoriya srednikh vekov. V 2 t. T. 2: Ucheb. dlya vuzov po spets «Istoriya» / Pod red. Z.V. Udal'tsovoi i S.P. Karpova. M.: Vyssh. shk., 1991. 400 s.
6. Lenin V.I. Doklad na II Vserossiiskom s'ezde kommunisticheskikh organizatsii narodov Vostoka 22 noyabrya 1919 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 39. M., Politizdat, 1970. 623 s.
7. Fedoseev P.N., Aleksandrov S.V., Butenko A.P. i dr. Leninskaya teoriya sotsialisticheskoi revolyutsii i sovremennost'. 3-e izd., dop. M.: Politizdat, 1980. 528 s.
8. Marks. K. K kritike politicheskoi ekonomii // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd-e vtoroe. T. 13. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959. 771 s.
9. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2006. 873 s.
10. Mishin V. Obshchestvennyi progress. Gor'kii: Volgo-vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 296 s.
11. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh / Pod red. V.F. Chesnokovoi i S.A. Belanovskogo. M.: Akademicheskii Proekt, 2002. 832 s.
12. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv / Per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. Pod red. M.S. Kovalevoi. M.: Aspekt Press, 1997. 270 s.
13. Simoniya N.A. Strany Vostoka: puti razvitiya. M.: Nauka, 1975. 152 s.
14. Sorokin P.A. Sotsiologiya revolyutsii. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», ROSSPEN, 2005. 704 s.
15. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. 2-e izd. / Redkol: S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Il'ichev i dr. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. 815 s. (Slovarnye stat'i: Lichnost', tsennost'.)
16. Engel's F., Anti-Dyuring // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd-e vtoroe. T. 20. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. 828 s.
17. Smith A. Myths and memories of the nation. Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.